

М.Н. Рассоха

Дальневосточный государственный университет

**Этнонимические наименования
как маркеры идентичности в языке и культуре**

Аннотация: В статье рассматриваются функции этнонимов в процессах этнолингвокультурной идентификации. Описываются единицы поля этнонимических наименований в английском языке (британский и американский варианты). В фокусе исследования – исторические аспекты конструирования поля, смысловая перегруппировка его элементов в результате изменения историко-культурного контекста и развития лингвокультурных контактов.

The paper uncovers functions of ethnonyms in the processes of ethnolinguacultural identification. The elements of ethnonymic semantic field are investigated in British and American English. The research focus is on historical aspects of ethnonyms development and their semantic re-grouping in the result of socio-cultural context changes and linguacultural contacts.

Ключевые слова: этнонимы, идентификация, поле этнонимических наименований, англоязычная этнонимия.

Ethnonyms, identification, ethnonymic semantic field, English ethnonyms.

УДК: 802.0: 801.313.5.

Контактная информация: ул. Алеутская 56. ДВГУ, кафедра истории английского языка. Тел. (4232) 459392. E-mail: mrasokha@gmail.com.

В культурной памяти этноса в качестве наиболее значимой характеристики его идентичности, как правило, бережно сохраняется информация о происхождении его имени. Вспомним начало библейской истории о строительстве Вавилонской башни. На земле был один язык и один народ, и люди сказали: «...построим себе город и башню высотой до небес; и сделаем себе имя, прежде чем рассеемся по лицу всей земли» (Быт. 11: 4). Возможно, это описание одной из первых историй создания автоэтнонима. Обратим здесь внимание также и на то, что в библейском сюжете предугадана необходимость в имени при расселении народа по обширной территории. Действительно, имя этноса играет огромную роль в процессах его самоорганизации и самоопределения, не менее важны этнонимы и при установлении и развитии контактов с другими народами. Особый интерес могут также представлять исторические примеры лингвокультурного развития этнонимии при территориальном расселении народа и образовании на его основе отдельных этнических сообществ.

Этноним – это способ оповещения о своей этнической группе. Поэтому в представлениях народа о себе и других они несут особую семантическую нагрузку. Данный ракурс рассмотрения этнонимических наименований и является темой настоящей статьи. Сразу уточним, что в ней пойдет речь о роли этнонимов в процессах англосаксонской – британской и американской – лингвокультурной идентификации.

Каждое языковое сообщество, проходя через определенный исторический опыт взаимодействия с другими народами, создает свой корпус этнонимических

названий, в который входят как самоназвания (автоэтнонимы), названия, полученные от соседних народов (аллоэтнонимы), так и названия, присвоенные другим народам. Под этнонимическими наименованиями (в широком смысле термина) будем понимать всю этнонимию данного народа, т.е. весь слой указанных лексических средств. При этом в данной статье обратим особое внимание на названия, обозначающие различные этнические общности, с которыми английский этнос на протяжении своей истории вступал в контакты и которые вследствие этого занимают особое место в его культурном пространстве.

Этнонимические наименования, накапливаемые народом в ходе его истории, как показывает материал, представляют собой неоднородный по составу корпус языковых элементов, имеющих разную лингвокультурную значимость. Эти единицы, обладая понятийной и функциональной общностью, могут быть представлены в виде этнонимического поля. В качестве элементов в него будут входить не только первичные, но и вторичные этнонимы, а также их дериваты. Отнесение этих единиц к этнонимическим наименованиям обусловлено их семантической функцией – обозначать различные виды этнических общностей. При этом благодаря тому, что социум имеет этноцентрический взгляд на мир, указанное поле в смыслеловом отношении реализует ментальную схему «свой-другой / чужой». Эта общекультурная гносеологическая схема познания и моделирования мира лежит в основе конструирования идентичности и особенно значима при формировании коллективной идентичности любых общностей людей. В рамках данной статьи эта схема логически соотносится с нашим пониманием действия механизмов самоорганизации этноса, в которых огромную роль играет, согласно Ю.В. Бромлею, сознание своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознание), фиксированное в самоназвании (этнониме) [Бромлей, 1983, с. 58]. В целом, соглашаясь с Ю.В. Бромлеем, также подчеркнем, что, помимо самоназваний не менее важными для этноса в процессах идентификации являются и другие этнические наименования, в том числе данные им другим народам и воспринятые от других народов.

Основываясь на вышесказанном, полагаем, что в центре этнонимического поля будут находиться автоэтнонимы, а на периферии – аллоэтнонимы. Ближе к центру также будут располагаться этнонимические названия «другого / чужого», являющиеся наиболее актуальными для языкового сознания данного этноса и вследствие этого постоянно присутствуют в его идентифицирующем дискурсе. Таким образом, поле этнонимов (у каждого языкового сообщества свое) отражает опыт этноса не только в восприятии самого себя или других народов, но в смыслеловом отношении выражает также взгляд и другого народа.

На восприятие «других» и «чужих» народов влияет ряд факторов, среди которых ведущую роль играют исторический и геополитический. Действительно, количество освоенных в лингвокультурном плане этнонимов, а также такой показатель как их частотность в дискурсе социума зависят от исторических связей и географического положения. Для англосаксов в силу географической близости «чужими» являлись представители кельтских культур – шотландцы, уэльсцы и ирландцы, с которыми после переселения они стали делить Британские острова. Это ближайший круг этносов, которые на протяжении столетий находились рядом, являясь ближайшими соседями. Естественно, кельтские народы были одними из первых, кто был идентифицирован как «другой / чужой». И это восприятие отразилось в семантике этнонимов и соответствующих им топонимов. Например, слова *Welsh* и *Wales* обозначают «чужой», «из чужой страны», восходя к древнеанглийскому *wealh* «foreigner». По данным этимологического словаря английского языка это общегерманский корень, коррелирующий с латинским названием кельтского народа: OE. *Walh*, *Wealh*, pl. *Wealas* corr. to Germ. **walXaz* 'foreign' (Celtic or Roman), pl. –os- L. *Volcae* name of a Celtic people, of unknown origin [Onions, 1985, p. 999]. Указанный корень вошел также в состав топонима *Cornwall*,

соединившись с кельтским топонимическим элементом: OE. *Cornwealas*, from OCeltic * *Kornovjos*, *-ja* [Onions, 1985, p. 216, 999].

Так англосаксы называли кельтские племена, обитавшие к западу от их собственных земель. Характерно, что валлийцы всегда предпочитали собственное исконное самоназвание *Cymru*, слово родственное *comrade* (**kombrogi* 'fellow-countrymen') [Onions, 1985, p. 240]. Таким образом, автоэтноним *Cymru* и аллоэтноним *the Welsh* строго отражают бинарную оппозицию «свой-чужой».

Любопытно, что, рационализируя языком человеческий опыт, этнос надолго сохраняет в своем сознании это первичное стихийное наивное знание о мире. В связи с этим интересен пример из книги, описывающей путевые впечатления английской семейной пары из южной Англии, обошедшей пешком о. Великобританию. Обратим внимание на использование ключевого для данного контекста существительного *foreigner* – 'someone who comes from another country' [Macmillan, 2002, p. 552]: *Walking is a good pace both to see and to meet the locals. We met 'foreigners' from Cornwall, Wales, Scotland, Northumberland and Norfolk. To a degree, every area has its own customs and specialities* [Hunt, 2000, p. 14].

Слово 'foreigners', как представляется, выделено кавычками не случайно. Функция выделения здесь может быть двоякая. С одной стороны, названные этносы, кельтский и англосаксонский, уже много веков сосуществует рядом и взаимодействуют, входя в состав одного государства, и поэтому не совсем чужды друг другу. Слово 'foreigners', таким образом, в основном значении будет слишком сильным. С другой стороны, сохраняя свою самобытность, эти этносы остаются разными, и носители одной лингвокультуры четко отделяют себя от другой. Отметим, что автор неоднократно прибегает к указанному обозначению на протяжении всей книги, что говорит о закреплённости и соотнесённости данного признака с кельтскими этнонимами в языковом сознании англичан и наличии особого семантического «шлейфа» у слова '*foreigner*' в британской культуре: *Once more on terra firma and across the River Wye, we were welcomed to our second foreign land. 'Croeso in Cymru'. From now on every signpost was in Welsh and English and we really were foreigners* [Hunt, 2000, с. 98].

Проверка по словарю ассоциаций [The Edinburgh Word Associative Thesaurus – EWAT] также подтвердила тот факт, что слова-ассоциаты *foreign*, *foreigner*, *foreigners* в британском варианте английского языка соотносятся со стимулами *Celtic*, *Welsh / Wales*, *Irish / Ireland*, *Scottish / Scotland*, актуализируя значение «чужой».

Данные этого словаря позволили также определить место других европейских народов в языковом сознании британцев. Так на стимул *foreign* регистрируется реакция *French* и *France*, причем это единственные слова-ассоциаты, номинирующие европейцев Континента, соотносимые с данным стимулом. Стимулы *foreigner* и *foreigners* дают наиболее интересную картину ассоциаций. В обоих списках *French* стоит на втором месте, приводятся также *France*, *Calais*, *Frenchman* и *frogs*. Таким образом, из 43 разных ответов на стимул *foreigner* 13 слов-реакций связаны с Францией и французами. Для сравнения из остальных европейцев упомянуты: *Spanish* – 1; *Spaniard* – 1; *Turkish* – 1; *wop (Italian)* – 1. Из 47 разных ответов на стимул *foreigners* французы упомянуты в количестве 9 слов-реакций, остальные европейцы практически не отражены: *Germans* – 1; *Irish* – 1; *Europeans* – 3.

Таким образом, народы континентальной Европы образуют для британцев второй круг «чужих». В него из европейских этносов в первую очередь входят французы, ближайшие соседи англичан на Континенте. Такие отношения сложились исторически в результате многочисленных англо-французских войн и завоеваний. Общеизвестно, что французы на протяжении столетий являлись основными врагами англичан в Европе и до сих пор взаимоотношения двух народов не свободны от трений (например, Франция высказывалась против принятия Вели-

кобритании в Европейский Союз и др.). Неудивительно поэтому, что французы традиционно идентифицируются в качестве «чужого».

Этнонимические наименования существуют не сами по себе, а входят в смысловые схемы дискурсов. Данные языка и культуры свидетельствуют о том, что, например, этноним *the French* и его производные наиболее глубоко освоены британской лингвокультурой и используются для идентификации в самых разных контекстах, но, заметим, чаще всего отмеченных негативной оценкой. Характерны примеры, приведенные в книге Дж. Паксмана *The English. A Portrait of a People* [Paxman, 1999]. Из них очевидно, что в английской культуре существует тенденция обозначать любые плохие поступки, допущенные промахи и неэтичное поведение этнонимами *French*, *Frenchman*, лингвонимом *French* и др. Так, оценивая непонравившийся бифштекс, англичане могут ответить «*Done like a Frenchman*»; охотник, убивший фазана вне сезона охоты, «*kills a French pigeon*», а, извиняясь за вырвавшееся крепкое слово, англичане говорят «*Pardon my French*» [Ibid., p. 25].

Особенно много таких выражений, подчеркивает Паксман, связано с ситуацией продажной любви: *French prints (postcards)* – скабрёзные рисунки, *French Consular Guard* – проститутка, *take French lessons* – воспользоваться услугами проститутки и др. Для обозначения сифилиса существует целый ряд наименований: *the French disease*, *French gout*, *French pox*, *French marbles*, *French aches*, *French compliment* и др. [Ibid., p. 24–25].

Очевидно, что для англичан, важнейшими добродетелями которых, как принято считать, являются вежливость, предупредительность и сдерживание эмоций, противоположные качества и черты отождествляются с «чужими», с французами.

Удельный вес этнонимов и топонимов в лексике каждого языка достаточно велик, но они, кроме того, являются мощным резервом для образования новых слов языка [Агеева, 1990, с. 13] и, добавим, новых словосочетаний. Компоненты поля этнонимических наименований создают его смысловую характеристику всеми своими словосочетаниями, смысловой структурой, ассоциативными семантическими связями. Так, в поле этнонимических наименований прилагательное *French* характеризуется особой «семантической плотностью», входя в качестве ключевого компонента в целый ряд словосочетаний с несвязанными и связанными значениями. Например, к словосочетаниям с несвязанными значениями относятся *French bread (loaf)*, *French bean*, *French polish*, *French cricket* и др. Фразеологическими значениями характеризуются *to take French leave*, *Pedlar's French* и др.

Таким образом, «чужой» этнос конструируется языком, и его вербальный портрет становится частью национальной картины мира. При этом основная функция этнонимических наименований и стоящих за ними лингвокультурных значений – ориентировать членов своего социума в геополитическом пространстве, указывая, какими чертами и характеристиками обладает «чужой» в отличие от «своих». Эти знания, отражая опыт культурно-языковых контактов этносов, накапливаются в языковом сознании социума в виде образов, закрепляемых вербально.

Важно подчеркнуть, что поле этнонимических наименований не остается неизменным и характеризуется своей динамикой. Новые этнонимы могут возникать в связи с тем, что изменяется историко-культурный контекст, образуются новые нации, складываются новые макроэтносы. Так, в XVIII веке в этнонимическое поле английского языка вошел этноним *Americans*.

Это любопытный случай идентификации «другого», являющий собой пример, когда «свой» трансформируется в «другого / чужого». Языковая репрезентация процесса идентификации следующая: *The English colonists > the Anglo-American colonists > the Americans (Yankee)*. Рассмотрим этот процесс детальнее, обращая внимание главным образом на новые этнонимы. Использование этнонима *The English* в общий период англо-американской истории указывает на общую лингвокультурную идентичность. Появление слова *colonists* следует уже рассмат-

ривать как свидетельство трансформации коллективной англосаксонской идентичности. Следовательно, в коллективном языковом сознании уже выявлены некоторые нетождественные характеристики у англичан Нового Света, что позволяет выделить их в отдельную группу. Завершение процесса идентификации закрепляется впоследствии принятием этнонима *Americans*. Параллельно с ним, начиная с XVII века, используется этническое прозвище *Yankee*, которое обладает довольно спорной этимологией [Onions, 1999, p. 1017]. Сегодня *Yankee* (и его вариант *Yank*) находятся в ядре поля этнонимических названий современного английского языка. Так, по данным ассоциативного словаря для британского английского *Yank* является самой частотной реакцией на стимул *American* [EWAT]. Все словари культуры и языка отмечают «британское» использование этого слова, нередко с негативной оценкой [LDELС, 1993; OGBAC, 1999]. В американском же контексте интересна судьба этого этнонимического прозвища в его двойственной функции: являясь по происхождению аллоэтнонимом, *Yankee* употребляется в США в качестве самоназвания причем с очень дифференцированными функциями идентификации. Если для британцев *Yankee* – это любой американец, то для самих американцев, особенно южан, – это только жители штатов Новой Англии. В самой Новой Англии признают, что настоящие янки живут в штате Вермонт. Жители Вермонта, в свою очередь, считают, что истинные янки это те, у кого на завтрак яблочный пирог¹ [Ronowicz & Yallop, 1999, p. 254]. Обратим внимание и на способность данного этнонима менять оценочные коннотации в зависимости от культурного контекста: на северо-востоке США *Yankee* связано с положительной характеристикой, на юге – преимущественно с отрицательной.

Сложная семантическая структура этнонима *Yankee*, как видим, отражает историю идентификации американцев не только в плане взаимоотношений с британцами, но и идентификацию региональных групп внутри американского макроэтноса. На примере этого и других этнонимов особенно очевидно, какую роль стали играть механизмы самоопределения американского этноса. Вследствие того, что американский народ образовался в результате исторического отделения части англосаксонского этноса, ставшего ядром нации, и на ее основе образовалась новая самостоятельная общность людей, в дискурсах идентификации британцев и американцев особую смысловую нагрузку получили этнонимы. Этому есть несколько причин. В первую очередь следует указать, что оба этноса продолжают пользоваться одним общим языком, что обусловило создание общего дискурсивного пространства, открытого для «другого». Во-вторых, оба социума по-прежнему остаются во многом политически и экономически связанными, многие исторические события отражают общность политических интересов и целей. Немаловажную роль играет тесное знакомство с литературой, кинопродукцией и т.д. друг друга.

Таким образом, общее дискурсивное пространство, характеризующееся особым частотным употреблением этнонимов *British / English* и *American*, не может не оказать влияние на общую этнонимию США и Великобритании. Очевидно, что появление и функционирование этнонима «американцы» в силу его лингвокультурной значимости повлияло на перераспределение элементов всего поля английских этнонимических наименований, поскольку новый этнопоним, несомненно, вошел в его ядерную область, став одним из самых частотных маркеров идентификации британцев.

В то же время, поле английских этнонимических наименований постепенно подвергается трансформации и в контексте американской культуры. Во-первых, появляются новые этнонимы, отражающие собственно американский историко-культурный опыт взаимодействия с другими народами: индейскими племенами,

¹ Эти представления зафиксированы также в американской пословице *As American as apple pie*.

иммигрантами и т.д. Эти этнонимы, естественно, начинают выполнять особую функцию в американском дискурсе идентификации. Во-вторых, трансформируются в смысловом плане и фрагменты поля, отражающие британскую историю. Рассмотрим это на примере прилагательного French, его лексических коллокаций и смысловых связей. Например, в американском языковом сознании с этнонимом French ассоциируется выражение the French Quarter. Этот старый французский квартал находится в Новом Орлеане, штат Луизиана и знаменит французской архитектурой, ресторанами и джазовой музыкой [OGBAC, 1999, p. 211]. Общий период англо-американской истории отражен словосочетанием the French and Indian War, обозначающим несколько победных сражений, выигранных англичанами у французов и индейцев, в результате которых они получили Луизиану и Канаду [Ibid., p. 211]. Ряд выражений обозначают американские блюда French toast, French dip, French fries. При этом особый интерес представляют такие примеры, как French dressing. В Англии и Америке этот соус будет содержать совершенно разные ингредиенты. Языковое творчество проявилось и в изменении French windows (архитектурный элемент) во French doors. А выражение French kiss было упрощено американцами до french [LDELС, 1993, p. 517]. По данным языковых корпусов [COCA и BNC] можно выявить наиболее частотные коллокации с компонентом French для каждой исследуемой англоязычной культуры. Для британского английского первое и второе место занимают: FRENCH GOVERNMENT 327 и FRENCH REVOLUTION 216; для американского английского – FRENCH FRIES 838; FRENCH QUARTER 552.

Как видим, каждая лингвокультура идентифицирует себя с разными вербальными образами «другого». Для британцев французы – это, прежде всего, политический соперник. Американцы чаще прибегают к коллокациям, отражающим их собственный культурный опыт.

В результате культурно-языковых контактов, безусловно, изменяется и фрагмент поля, соотносимый с этнонимами American и British. Рассмотрим случай словообразовательной трансформации этих ключевых первичных этнонимов. Следует подчеркнуть, что образование вторичных этнонимов явление распространенное и представляет собой наиболее продуктивный случай словопроизводства этнических прозвищ, в данном случае, с помощью усечения, которое само по себе выполняет в языке экспрессивную функцию, совмещаемую с компенсаторной. В результате сокращения появляются стилистически сниженные, обычно пренебрежительные, наименования [Фофин, 2008, с. 478]. К таким усеченным формам принадлежит этническое наименование Brit, языковой статус которого близок к прозвищным этнонимам, создаваемым для выражения особой образности и экспрессивности. Сразу отметим, что употребление в английском языке экспрессивного этнонима Brit является устоявшимся. Слово зафиксировано в словарях английского языка и культуры с пометой «неформальное употребление» [LDELС, 1993; OGBAC, 1999]. Таким образом, оно противопоставляется нейтральным этнонимам British / Briton, употребляемым, как правило, в официальном дискурсе. Brit, как стилистически сниженное именование, не употребляется британцами, зато частотно и привычно в дискурсе американцев. Характерен пример из путеводителя, написанного англичанкой, живущей в Америке, специально для американцев, собирающихся посетить Соединенное королевство: First things first – the Brits actually don't call themselves Brits. I do here for convenience but would never do it in the UK [Hargis, 2006, p. 1].

Далее автор разъясняет, что в Великобритании никто не будет называть себя британцем, а при вопросе о национальности, будет настаивать на том, что он англичанин, шотландец или валлиец. Таким образом, the Brits существует скорее как аллоэтноним, британцы избегают использовать его в дискурсе самоидентификации, предпочитая первичные этнонимы. Здесь видится еще один существенный момент. Для англичан (а также валлийцев, ирландцев и шотландцев) этнос, назы-

ваемый «британцы» существует главным образом как расчлененный, американцы же воспринимают его скорее как единый, не дифференцируя входящие в него этнические образования.

Автор, прекрасно различая пренебрежительный оттенок значения слова Brit, с одной стороны, и понимая, что этим данный этноним вызывает отрицательные чувства у британцев – с другой, солидаризируется с американцами, употребляя в тексте знакомое и привычное для них именование Brits. Оставаясь англичанкой, она, тем не менее, стремится вербально идентифицировать себя со своей американской читательской аудиторией.

В нашем материале встретилось также окказиональное образование Ameri, близкое по функции экспрессивному этнониму Yanks, которое, в свою очередь, как правило, противопоставляется Brit. В книге «Brit-think, Ameri-think: a transatlantic survival guide» ее автор, Джейн Уолмсли, использует дериваты Brit и Ameri в качестве компонентов сложных слов, например: Brit-chomp, Ameri-slurp, Brit-soap, Brit-couples vs. Ameri-couples, Brit-blunders, Ameri-gaffers и многие другие [Walmsley, 2003]. Очевидно, что цель словообразовательного акта American > Ameri создать с помощью усечения дериват подобный Brit. Уподобление словообразовательной формы сопровождается семантической трансформацией: от нейтральной семантики первичных этнонимов British / Briton и American к пейоративной коннотации Brit и Ameri.

Данный материал свидетельствует также о том, что существует прямая зависимость между глубиной контактов и интенсивностью образования окказиональных этнонимических названий. Вместо устоявшегося общепринятого этнонима языковой коллектив предпочитает порождать новые яркие наименования, тем самым, отказываясь от нейтральной номинации в пользу нового неизбитого образа. По тому, как развивается этнонимический материал, подвержен ли он трансформации, можно судить о том, как идентифицируют друг друга представители этносов.

Оставаясь в рамках ключевой схемы идентификации «свой – чужой», языковые коллективы могут усилить ее другими «бинарными оппозициями моделирования мира» [Цивьян, 2006]. Речь идет о бинарной схеме «ближе – дальше», сообщающей о пространственной организации мира. При этом может иметься в виду не физическое географическое пространство, а, скорее всего, подразумеваться культурное сближение или, напротив, отдаление. Сравним два примера, содержащие имплицитное указание на культурную дистанцию между англичанами и французами с одной стороны, и англичанами и американцами, с другой:

The best thing I know between England and France is the sea (Douglas Jerrold) [Paxman, 1999, p. 24].

I often find myself acting as interpreter for friends from both sides of the pond [Walmsley, 2003, p. IX].

В первом примере, как представляется, мы имеем случай *культурного дистанцирования*. Общеизвестно, что Англия и Франция разделены проливом, причем достаточно узким: в солнечный ясный день можно наблюдать береговую линию соседнего государства (между Дувром и Кале всего 22 мили). Использование существительного sea позволяет «увеличить» расстояние между странами и, соответственно, между народами-соперниками. Общий контекст примера указывает на необходимость поместить французов на шкале «ближе-дальше» как можно дальше, хотя бы вербально. Противоположный смысл заключен в употреблении лексемы pond «пруд». Использование данной лексемы в качестве названия Атлантического океана «сближает» британцев и американцев, сокращая расстояние между ними. Это может служить примером вербализации *культурного сближения* народов.

Таким образом, подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что конкретный этнонимикон, складываясь исторически, отражает все многообразие связей

данного народа с другими этносами. При этом этнонимы, как было показано, образуют в языке семантическое поле, единицы которого обеспечивают реализацию ментальной схемы идентификации «свой – чужой». В ядро поля кроме автоэтнонимов входят также названия присвоенные другим народам. Эти названия осмысливаются данной культурой в парадигме «мы – они», поскольку «никакое “мы” не может существовать, если отсутствуют “они”» [Лотман, 1996, с. 191]. Частотность, словообразовательная и коллокационная активность этнонимических наименований, а также их роль в формировании языковых образов мира, позволяют сделать вывод о значимости этнонимов в качестве маркеров лингвокультурной идентичности.

Литература

- Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990.
Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.
Фофин А.И. Русские и французские этнофолизмы как номинативные аксиологемы // Этносемиотика ценностных смыслов. Иркутск, 2008.
Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2006.
BNC – The British National Corpus. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
COCA – The Corpus of Contemporary American English. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.americancorpus.org>.
EWAT – The Edinburgh Associative Thesaurus. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eat.rl.ac.uk/>
Hargis T.S. Rules, Britannia. N.Y., 2006.
Hunt S. The Sea on our Left. L., 2000.
LDELС – The Longman Dictionary of English Language and Culture. UK, 1993.
ODEE – The Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. by C.T. Onions et al. Oxford, 1985.
OGBAC – The Oxford Guide to British and American Cultures. Oxford, 1999.
Paxman J. The English. A Portrait of a People. N.Y., 1999.
Ronowicz E. & Yallop C. English: one language, different cultures. L., N.Y., 1999.
The Macmillan English Dictionary. Oxford, 2002.
Walmsley J. Brit-think, Ameri-think: a transatlantic survival guide. N.Y., 2003.